

Нина Линдт
ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ КОРОЛЯ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Л 59

Линдт Н.

Л 59 Последний рыцарь Короля / Н. Линдт, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 750 с.

ISBN 978-5-521-91593-4

Студентка Ольга с друзьями попадает в Средние века. Чтобы вернуться, ей предстоит выдать себя за донну Анну и вывести на чистую воду её убийцу и по совместительству мужа, а потом ещё и развестись с ним — задача невыполнимая в условиях Средневековья и... крестового похода, в который затянуло всю компанию. И пусть кругом рыцари — не все они благородны и честны, опасность ходит вокруг, многолика и... даже безликая. Вскоре Ольга мечтает уже не о возвращении в свое время, а просто о том, чтобы остаться в живых...

BIC FA
BISAC FIC000000

© Нина Линдт, текст, 2021
© Елизавета Метлинова, обложка, 2021
© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2021
© Вера Курская, редакция, 2021
© Николай Стрыжков, вёрстка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-91593-4

Девиз романа: «Песня о безумстве смелых».

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ

– Что ты наделал?! – впервые за период своего существования сорвался Светлый. – Как мы теперь будем дальше плести Линию?

Он заплакал, сжимая в руках голову мертвой женщины. Его белая рубашка была испачкана ее кровью, красивое лицо искажено болью.

– Я не знаю!!! – Темный тоже весь дрожал. – Почему ты спрашиваешь меня об этом? Мы вдвоем виноваты, не я один.

Пальцы Темного нежно поправили золотистые локоны умершей, словно он не хотел признавать, что ее больше нет.

– Надо найти выход, иначе все начнет рушиться, слышишь? – Светлый слегка тряхнул его за плечо. Темный поднял на него взгляд:

– У нас только один выход.

И Светлый в ужасе отшатнулся от него, догадавшись, что он предложит.

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

Весна в Москве всегда начинается внезапно: всё лежит снег, дует ветер, бежит белой змейкой поземка, холодно. Потом вдруг в воздухе начинает появляться едва уловимый запах весны, сложенный из свежего аромата южного ветра, с явными нотами тающего снега.

Начальная нота – влажная прохлада, переходящая в ноту сердца, – предчувствие скорых перемен, прекрасных и непременно счастливых, а шлейфом звучит припекающее солнце. Легкое движение парфюмера-природы – и весенняя эйфория охватывает город.

Весеннее настроение бурлило в аудиториях университета М. Стоило открыть окно, как уже мало кто был способен слушать скучные лекции, все мысли устремлялись прочь из храма наук, на солнечную улицу, где так весело чирикали птицы.

Катя спрятала на окне за жалюзи букет красных тюльпанов, и, когда Мария Августовна вошла в аудиторию, мы все затянули «Веселого дня рождения» на французском, приятно удивив ее букетом и подарком.

Мария Августовна достала несколько коробок шоколадных конфет, и мы, сбившись в тесный круг, болтали на французском и русском обо всем на свете. Слово за слово, речь зашла о трудностях языка.

Я рассказала, что поначалу меня особенно забавляло, что слова на французском пишутся зачастую длиннее, чем звучат. Вот, например, слово «много» во французском произносится как «боку» (4 звука), а пишется в 8 букв (!) – «beaucoup».

Мария Августовна несколько не удивилась – французский язык у меня уже третий, до него я начала учить испанский, где все четко

пишется так, как произносится, поэтому француженке был понятен мой праведный гнев по поводу непредсказуемости французской орфографии.

– Ольга, возможно, ты просто не хочешь присмотреться к французскому поближе? – спросила она. – Не забывай, что французский, как и твой любимый испанский, основан на латыни, а значит, у них есть много общего. Конечно, общность эта сейчас мало заметна, но в XI – XIII веке, в период, когда бытовал старо-французский, основанный на разговорной латыни, она была более явной. Ты бы удивилась, если бы слышала французов того времени, настолько гремучей была смесь латыни и французского. Они сами порой сильно путались, и, чтобы избежать непонимания, дополняли свою речь красноречивыми жестами.

– А что непонятного могло быть? – Вадик набил конфетами рот и говорил невнятно.

– Ну, если ты помнишь, – с достоинством сказала Катя, – в те времена Франция была раздроблена, и короли подчас были слабее, чем знатные люди из Провинций. Каждый жил немного сам по себе, и поэтому вполне вероятно, что язык в разных провинциях мог иметь свои нюансы.

– Но ведь королевство было? Значит, централизованная власть должна была объединять людей? – Наташа произнесла это просто так, чтобы поддержать разговор. Было видно, что ей не особо интересна судьба французского языка в стародавние времена.

– Все вовсе не так просто, – возразила Мария Августовна, – в те времена существовало великое множество диалектов, а на севере Франции даже чувствовалось немецкое влияние, но никакой из этих диалектов не победил диалект сердца Франции – Иль-де-Франс.

– Где Париж? – пробубнил Вадик, дожевывая конфеты.

– Да.

– А когда же французский начал приобретать современную форму? – спросила Катя. Она на французском была самая умница, ей, похоже, он нравился, как мне нравился испанский.

– Можно сказать, что во второй половине XIII века французский становится более похожим на то, что сейчас называют нормой языка. Это случилось, потому что королевская власть становится централизованной, север Франции начинает подчинять себе юг, а затем и другие страны. Например, в английском языке очень за-

метно влияние французского, но вы это знаете и без меня, вы же учите историю английского языка.

– Да уж, – поежилась Саша, – учим. Ничего не понятно, а особенно, зачем все это знать, если все это давно закончилось.

– Ну, хотя бы для того, – улыбнулась Мария Августовна, – чтобы вы могли ответить, если однажды кто-нибудь из ваших студентов задаст вам вопрос по истории языка. И потом, вы будущие лингвисты, переводчики, преподаватели – какую бы специальность вы не выбрали, везде нет-нет да понадобится знание истории языка.

– А может, ты, Сашка, возьмешь да и попадешь в средневековую Англию! – загорелся Вадик. – Сможешь поговорить с ними, так чтобы они не заподозрили, что ты не из их времени. А если будешь плохо учиться, тебя возьмут и сожгут на всякий случай. Как ведьму.

– Тебя бы куда-нибудь послать! – рассердилась Саша. – А то больно разговорчивый стал!

– Не надо его никуда посылать, – возразила Мария Августовна, – он мне должен сдать долги за первый семестр.

– Лучше сожгите! – откидываясь назад, пробормотал Вадик. Ему не слишком нравилось учиться, он не ловил от этого кайфа, как ловят многие девчонки и очень редко ребята. Мы с Катей были отличницами, кто-то сказал бы, ботанами, но это не так. Мы не зубрили, мы учились с удовольствием, а Вадика больше привлекала философия и психология, к языкам он относился прохладнее. Хотя, когда надо, он мог быть очень красноречивым, поэтому блистал, как правило, на экзаменах, все остальное время предпочитая особо не напрягаться.

После французского мы собирались под предводительством преподавателя истории Николая Палыча пойти в музей на открытие выставки, посвященной европейскому искусству Средних веков. Нас собралось человек двадцать. Я пошла, чтобы составить компанию Кате, Вадик – чтобы составить компанию нам. Уже при входе в музей он со всего размаху хлопнул себя по голове.

– Что случилось? – спросила Катя.

– Опять забыл сдать учебник по латыни, – ответил он. – Ношу его с собой уже несколько дней и все никак не сдам в библиотеку.

– По латыни? – удивилась Катя. – А что ты его на первом курсе не сдал?

– Да все найти его не мог. А как нашел, бросил его к себе в портфель. Так и таскаю, – и, расстегнув сумку, он показал нам до боли знакомый желтый с красным орнаментом учебник, который сопровождал нас весь первый курс.

– Я уже, наверно, ничего не вспомню из латыни, – сказала я. – Как только закончили курс – так сразу все и забыла.

– Девочки и мальчики, – говорил в это время историк за нашими спинами, – билеты нам дали, теперь хочу представить всем, кто не знает, Артура Ковальского, моего бывшего ученика. Он изъявил желание сходить с нами в музей.

Мы с Катькой обернулись, едва услышав имя Артура. Мы не видели его с самого прощания на вокзале города Николаева, когда возвращались из Украины в Москву после завершения раскопок в греческом городе Ольвия. Артур жил и работал в Германии, изредка наведываясь в Москву. С того времени прошло больше полугода, но мы были рады увидеть его снова. Артур обнял всех, кто был в той экспедиции, пожал руки Вите и Вадику. Когда я обнимала его, мне показалось, что он стал еще выше. Артур словно еще больше возмужал за это время. Было странно видеть его не в шортах и майке. Сначала я чувствовала себя неловко при воспоминании о нашей крепкой ольвийской дружбе. Но уже спустя несколько минут мы привыкли к нему снова и пошли за историком. Артур приехал в Москву ненадолго и, узнав, что Палыч собирает нас в музей, решил, что это шанс провести нас всех. Мы увлеченно осмотрели пару залов под руководством историка, а затем стали дробиться на мелкие группы и самостоятельно изучать витражи, картины, гобелены и скульптуры эпохи Средневековья. Посетителей в тот день было очень мало, их шаги и негромкие разговоры эхом разлетались по пустым залам. Казалось, что старушек-смотрителей и то больше, чем желающих посмотреть выставку.

Мы с Катей остановились возле миниатюр, которые лежали под стеклом, и, рассматривая их, я шепнула Кате:

– Кать, посмотри, пожалуйста, вон на того человека в черном костюме, только незаметно...

– Ну? – спросила Катя, оторвавшись от миниатюр и посмотрев, куда я просила.

– Тебе не кажется, что он повсюду ходит за нами? – краем рта спросила я, делая вид, что меня очень интересуют изображения шутов и трубадуров.

– Нет. По-моему, он просто гуляет здесь, так же как и мы.

Я не разделяла ее мнения. Я заметила этого странного типа еще в первой зале, он увлеченно разглядывал фрагмент алтаря рядом с нами. Потом он медленно двигался за нами, рассматривая не столько экспонаты, сколько нас с Катей. Это был человек невысокого роста, коренастый, крепкий, лет сорока – сорока пяти. Черные длинные волосы, которые доходили ему почти до плеч, были стянуты в хвост, но несколько более коротких, непослушных прядей выбивались из прически и падали на белый лоб. Он был бледен, я бы сказала, изможден, под глазами у него лежали темные тени. Длинный, немного крючковатый нос придавал его лицу суровость, а тонкие губы с горькой складкой у края – выражение огорчения. Он двигался с большим достоинством, заложив руки за спину, иногда вскидывая надменным и прекрасным движением голову, чтобы убрать черные пряди с лица. Пока я украдкой разглядывала его, незнакомец развернулся и смело поймал мой любопытный взгляд. Я поспешила ретироваться к Кате, Вадик и Артуру, сделав вид, что мне крайне интересна беседа, в которую они погружены.

– Я был увлечен крестовыми походами, когда учился в школе, – рассказывал Вадик, поглядывая на картину, на которой была изображена сцена посвящения в рыцари. – Даже стенгазету однажды выпустил, моя историчка была счастлива. Я был так одержим этим временем, что иногда жалел о том, что сейчас не одиннадцатый век. А потом как-то все забылось. Родители думали, я стану историком, а я вот пошел на лингвиста.

– А я никогда не любил то время, – сказал Артур. – Мне оно казалось жестоким. Этому времени не хватает элегантности, просвещенности... ну, – смутился он, поймав огорченный взгляд Вадика, – может, я мало о том периоде знаю...

– Не переживай, Артур, – сказала Катя. – Вадик всегда такой. Если он чего-то не знает, то считает, что это совершенно не нужно, а вот если что-то знает, то бесится, когда этого не знают остальные.

– Вовсе не так! – воспротивился Вадик, но Катя его шутливо толкнула в плечо, и он замолчал.

– А ты, Ольга, что скажешь? – спросил у меня Артур, и я робко подняла на него глаза.

– Видишь ли, мне всегда была интересна история любой страны и любого народа, предпочтений у меня ну совсем мало. Думаю, что если бы у меня была возможность безопасного путешествия

во времени, я бы обязательно отправилась бы во Францию XVII века, потому что о ней написано столько романов. Но забираться в древность особого желания я не испытываю. Средние века называют Темным временем, не хотелось бы блуждать в потемках, хочется сразу попасть в эпоху рассвета.

– Простите, что вмешиваюсь, – раздался глухой, как далекие раскаты грома, голос, и между Катей и Вадиком протиснулся тот тип в черном, которого я заметила раньше, – но я услышал невольно ваш разговор, и мне стало любопытно.

Он говорил с мягким акцентом, коверкая кое-где слова, но мне казалось, что он делает это намеренно, чтобы усилить акцент. Подойдя к нам, он улыбнулся, и я вдруг поразились, насколько непроницаемым, при всей выразительности, оказалось его лицо. Невозможно было понять, жесток он или добр, суров или милосерден, сердится или смеется. Даже его возраст вызывал сомнения – тот, кто казался пять минут назад сорокапятилетним мужчиной, угрюмым и умудренным жизнью, теперь выглядел лет на пятнадцать моложе, более легким и приятным, не лишенным определенного очарования. В его голубых, почти прозрачных глазах невозможно было прочесть ровно ничего кроме величайшей любезности. Я бы охарактеризовала его просто: он был лукав. Лукавство искрилось в его глазах, мелькало в уголках его узких губ, он лукаво поклонился нам, даже темный перстень на его худых пальцах лукаво сверкал в свете ламп дневного освещения.

Мы с Катей переглянулись: теперь она не сомневалась, что он шел по залам за нами, выискивая возможность для того, чтобы подойти и завязать разговор.

– Хотя, если я вас отвлекаю... – он сделал паузу, предлагая нам самим закончить ее. Мы с Катей напряженно молчали, Вадик вообще не мог понять, зачем он к нам влез, и только Артур поспешил ответить:

– Вовсе нет. Хотя это была просто беседа, а не научный спор, а вы... – он сделал в свою очередь паузу, намекая на то, чтобы человек представился нам.

Мужчина легко поклонился и произнес:

– Простите, совсем забыл представиться: барон Фридрих фон Гаутштазе.

– Очень приятно, барон, – наклонил голову Артур. – Я много слышал о вас в Германии.

– О да! – засмеялся барон. – Обо мне всегда много говорят, но не всегда правду.

Его легкий немецкий акцент, с которым он произнес «говоряют», только подтвердил во мне ощущение наигранности, но от него вдруг словно повеяло чем-то исконно немецким, до такой степени, что сомневаться более было нельзя.

– Барон фон Гаутштазе – знаменитый меценат. Его очень уважают на Западе, – представил нам повторно барона Артур. Тот повернулся к нам и уставился на меня странным изучающим взглядом. В его глазах сквозило любопытство художника или скульптора, и я почувствовала себя пустым холстом или глыбой мрамора, сырым материалом, с которым он собирался работать.

– А вы, молодой человек, видимо, не раз бывали в Германии, раз знаете меня, – обратился барон к Артуру, подняв на него свои водянистые глаза.

– Да я живу там. Время от времени, – Артур никогда не распространялся по поводу своей работы и жизни в Германии. Все, что мы знали – это то, что его отец работает в министерстве образования Германии, и лишь могли предполагать, чем занимается Артур. Все попытки выведать истину о его работе заканчивались провалом – Артур всякий раз ловко уклонялся от этой темы. Мы все подозревали, что Николай Палыч как близкий друг Артура наверняка знает о нем больше, но наш историк деликатно хранил тайну. Однажды в экспедиции девчонки, которые были равнодушны к Артуру, шутиливо окружили его и сказали, что не отпустят, пока он не расскажет, кем работает, на что Артур, улыбаясь, ответил, что тайну о своей профессии он откроет только той, с кем решится создать семью. Девчонки игриво потребовали, чтобы он выбрал кого-нибудь из них, мол, выбирать есть из чего, все разные, все красивые и умные. Спас Артура неожиданно вмешавшийся Вадик, который посоветовал ему не выбирать никого, потому что «эти все одинаковые – какую бы ты не выбрал, наутро после первой брачной ночи о твоей профессии будет знать весь земной шар». Девчонки тогда ужасно обиделись на Вадика, и ему серьезно досталось в тот же вечер: на его голову, когда он сидел на пригорке, наслаждаясь степным закатом, вылилось целое ведро воды. Когда Вадик обрел дар речи, он объявил трехдневную вендетту: в течение этого времени он ходил по лагерю с бутылкой и поливал из нее всех особей женского пола, которые встречались на его пути, вне зависимости от того, были